ЦАРЬ

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц Г7
Ц239

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

4Г7
4239
4282
4681
BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE
Царь.
2 экз.

ЦАРЬ

(...стика).

Переводъ съ англійскаго.

Prix : 50 c.

Типографія Партіи.

1905.

ИБЛИОТЕ

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

4г7
4239
4282
4681
BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE

ЦАРЬ

(Характеристика).

Переводъ съ англійскаго.

Prix : 50 c.

Типографія Партіи.

1905.

1895.

Принахмуривъ очи строгія —
Чтобы въ корнѣ зло пресѣчь —
Коноводамъ демагогіи
Царь сказалъ такую рѣчь:
«За благія пожеланія
«Васъ я всѣхъ благодарю;
«Но безсмысленны мечтанія
«Власть урѣзать мнѣ, царю.
«Ахъ, калики перехожіе!
«Либералы! Дикари!
«Провинцьялы толстокожіе!!
«Санкюлоты изъ Твери!!!...
«Или вы воображаете
«Въ самомъ дѣлѣ (какъ умно!)
«Что собою представляете
«Вы парламента зерно?!
«Далеко зерну до колоса,
«Не пришла еще пора:
«Дамъ пока вамъ право голоса
«Лишь для возгласовъ: *ура!*»

2000

Ц Г 7
Ц 239
412286 у
Библиотека ИМЭЛ

НѢСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

«Онъ жалкое, слабое существо и всѣ мы должны пожалѣть его въ его паденіи. У него нѣтъ собственной воли. Что-же касается великихъ князей, то это враги рода человѣческаго. Во всемъ мірѣ не найдется человѣка, который бы пожалѣлъ объ ихъ исчезновеніи». Такъ выражается о Николаѣ II и его присныхъ одна изъ величайшихъ творческихъ силъ всемірной литературы — англійскій романистъ и поэтъ Джорджъ Мередитъ, живущій отшельникомъ, вдали отъ политической жизни собственной страны, но дважды выступившій публично за торжество свободы и справедливости въ Россіи: въ дѣлѣ ареста М. Гоца въ Италіи и теперь, какъ членъ комитета для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ массовыхъ звѣрствъ царскаго правительства.

«Мы мирно шли 9-го къ царю за правдой.... Самому царю я послалъ 8-го письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что-же?... *Звѣрь-царь*, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа *сознательно хотѣли быть и сдѣлались убійцами* безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей.» «Разорвемъ всѣ портреты кровопійцы царя и скажемъ ему: да будешь ты проклятъ со всѣмъ твоимъ августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ!» Такъ пишетъ о Николаѣ II отецъ Георгій Гапонъ послѣ «кровавой бани», устроенной въ Петербургѣ 9/22 января 1905 г.

2 экз.

Который же изъ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей правъ въ своей оцѣнкѣ личности теперешняго всероссійскаго самодержца? Или, можетъ быть, истина лежитъ гдѣ нибудь посрединѣ между этими двумя крайними мнѣніями? Отвѣтъ на поставленный вопросъ не есть дѣло празднаго любопытства. Людямъ, желающимъ правильно оцѣнить всѣ практическія мелочи возможнаго ходя событій, необходимо знать, что такое представляетъ изъ себя сушество, отъ одного почерка пера котораго, отъ одного, часто взбалмошнаго, слова зависитъ благосостояніе, честь, самая жизнь тысячъ и милліоновъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общій ходъ историческихъ событій не зависитъ отъ доброй или злой воли оффиціальныхъ распорядителей судебъ Россіи. Ими движутъ болѣе глубокія причины. Но все же *формы*, въ которыя облекается историческая эволюція нашей страны, въ значительной мѣрѣ опредѣляются недомысліемъ или умомъ, распорядительностью или оплошностью, отзывчивостью или безсердечіемъ тѣхъ лицъ, которыя не только представляютъ собою главныя колеса въ государственномъ механизмѣ имперіи, но и являются таковыми въ сознаніи милліоновъ ихъ современниковъ, такъ или иначе, пассивно или активно, участвующихъ въ развитіи этихъ событій. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ познакомить нашу публику съ обстоятельной статьей подъ заголовкомъ: «Царь», напечатанной въ іюльскомъ томѣ «Quarterly Review» за 1904 г., представляющую первую попытку дать болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ Николая II, какъ личности.

Редакція англійскаго журнала объясняетъ, что статья написана русскимъ оффиціальнымъ лицомъ, занимающимъ высокое положеніе въ чиновной іерархіи. Мы не внесли въ нашъ переводъ никакихъ измѣненій противъ подлинника, такъ какъ, по нашему мнѣнію, общій складъ политическихъ воззрѣній автора, столь далекій отъ нашего собственнаго, даетъ своеобразную цѣну его свидѣтельству. Сдѣлавъ эту общую оговорку, мы уже считаемъ излишнимъ отмѣчать ту или иную частность, логически вытекающую изъ этого общаго склада, въ родѣ, напримѣръ, мнѣнія автора о г. Витте, этой вреднѣйшей государственной пьявкѣ русснаго народа.

Авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что онъ монархистъ по убѣжденію. Мало того, онъ думаетъ, что единственный возможный для Россіи образъ правленія есть неограниченная монархія; онъ обсолютно противъ введенія въ Россію конституціонализма, такъ какъ считаетъ, что въ настоящее

время у насъ не выработалось еще тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы влить дѣйствительное содержаніе въ бумажную конституцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ — настоящій, искренній и понимающій приверженецъ законности, свободы устнаго и печатнаго слова, личной неприкосновенности гражданина и вообще всѣхъ тѣхъ условій общественной жизни, которыя характеризуютъ правовой строй отношеній въ государствѣ. Психологически такое противорѣчіе объясняется легко: авторъ—человѣкъ, получившій основательное юридическое и общее образованіе, воспитавшее въ немъ прогрессивныя требованія отъ жизни; онъ человѣкъ умный; вотъ почему онъ не можетъ не видѣть безобразій современной русской общественной и политической жизни и не возмущаться ими до глубины души. Съ другой стороны, это — человѣкъ, не знающій русской народной массы и не вѣрящій въ нее. Этимъ рѣзко опредѣляется его отношеніе къ предмету: не ожидая ничего кромѣ безсилія и зла отъ политической народной самодѣятельности, чувствуя и видя опасности бюрократіи, онъ поневолѣ долженъ возлагать всѣ надежды на твердость, безпристрастіе, благожелательность и направляющій умъ монарха и тѣмъ рѣзче выступаетъ передъ нимъ противорѣчіе между дѣйствительностью и его собственными идеальными требованіями, когда онъ обращаетъ свой критическій взглядъ на вздорную и истерично-безсердечную личность современнаго самодержца. Горечь и обида за всю Россію невольно пробиваются въ изложеніи автора и презрѣніе, которымъ Николай Послѣдній справедливо пользуется среди большинства мыслящихъ своихъ «подданныхъ», у нашего писателя переходитъ въ самую настоящую ненависть. Читая его статью не разъ ожидаешь откровеннаго логическаго вывода: «изъ этого положенія есть только одинъ исходъ — стереть это позорно вредное ничтожество съ лица земли, чтобы освободить мѣсто для личности болѣе способной и человѣчной»...

Мы, соціалисты-революціонеры, не можемъ такъ разсуждать. Видя центръ тяжести золъ самодержавія прежде всего въ уродливомъ, безконтрольномъ положеніи самодержца и его правительства, мы не можемъ придавать первенствующаго значенія его личности, съ какимъ бы омерзѣніемъ мы къ ней не относились. Для насъ не имѣетъ смысла освобождать тронъ отъ «недостойнаго» его представителя для того только, что-бы замѣстить его «достойнѣйшимъ». Напротивъ, чѣмъ болѣе «недостойный» монархъ дискредитируетъ въ гла-

захъ народа свое званіе, тѣмъ глубже и безвозвратнѣе будутъ похоронены всѣ наивныя народныя надежды на самодержавіе. Революціонный ударъ можетъ упасть лично на самодержца лишь въ одномъ изъ двухъ случаевъ. Либо, если самъ онъ успѣетъ сосредоточить на себѣ народную ненависть въ такой мѣрѣ, что голосъ народа будетъ требовать его немедленнаго наказанія и промедленіе въ этомъ отношеніи станетъ оскорбленіемъ народной совѣсти; или если при наличныхъ политическихъ обстоятельствахъ смерть царя явилась бы важнымъ практическимъ шагомъ для доставленія революціи немедленнаго успѣха. До сихъ поръ, въ народномъ сознаніи, внушаемое Николаемъ II презрѣніе преобладало надъ ненавистью; роль же его въ нашемъ освободительномъ движеніи, какъ личности наилучше дискредитирующей самодержавіе, еще не закончена. Что будетъ дальше—увидимъ. Конечно, то, въ чемъ онъ уже виноватъ относительно русскаго народа, не можетъ быть прощено. Но *пока* мы бы желали, чтобы воздаяніе ему пришло въ формѣ формально обставленнаго, торжественнаго надъ нимъ суда народа: на манеръ Людовика XVI.

ЦАРЬ.

(Переводъ съ англійскаго).

Императоръ Николай II царствуетъ уже около десяти лѣтъ, а въ теченіи восьми и управляетъ Россіей; при всемъ томъ, какъ конкретный человѣкъ, какъ личность, онъ столь же легендаренъ, какъ Нума Помпилій. Его фигура окутана мифическимъ туманомъ, пущеннымъ въ ходъ журналистикой, преимущественно нѣмецкой, который скрываетъ его отъ глазъ толпы, точно новаго Далай-Ламу; да и самое это фантастическое изображеніе, которое намъ предлагаютъ принять за его портретъ, столь же отвлеченно и безцвѣтно, какъ изображенія нашихъ первыхъ князей. За предѣлами дворца его личность преображается, самые ничтожные его поступки прославляются и наименѣе безкорыстныя побужденія выворачиваются на изнанку и притягиваются за волосы къ основнымъ принципамъ этики. Въ результатѣ получается каррикатура. Николай Александровичъ описывается, какъ князь мира, какъ славянскій Мессія, ниспосланный для спасенія не только своего собственнаго народа, но и всего свѣта. На созданіе этого единственнаго въ своемъ родѣ правителя пошелъ самый изысканный матеріалъ и онъ возвышается далеко надъ уровнемъ какъ обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и коронованныхъ особъ, не только въ силу страшной отвѣтственности, возложенной на него всевышнимъ, но и его собственной страстной любви къ человѣчеству и его безкорыстной преданности правдѣ и добру. Словомъ, онъ — „сверхчеловѣкъ", котораго прирожденная сердечная доброта превосходитъ даже его безотвѣтственную власть.

Но никакой газетный герой не бываетъ долго пророкомъ въ землѣ своей; Николай же Второй игралъ эту роль въ Россіи не болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ. Царствованіе его отца закончилось полнымъ нравственнымъ истощеніемъ, поблекшими надеждами, гибелью всякаго воодушевленія, чернымъ отчаяніемъ. Отъ сына ожидалось съ увѣренностью нѣчто лучшее, именно потому, что худшее считалось — и весьма опрометчиво — невозможнымъ. Но легковѣрныя массы опять ошиблись, и вскорѣ сознали свою ошибку. Скоро это станетъ ясно и Европѣ.

Когда Николай II началъ свое царствованіе въ 1894 г., онъ былъ впечатлительнымъ молодымъ человѣкомъ, инстинктивно избѣгавшимъ того яркаго свѣта, какой всегда сосредоточенъ на тронѣ. Не смотря на его лагерный опытъ, онъ все еще былъ „маменькинымъ сынкомъ", причемъ господствующей чертой его характера была пассивность, а временнымъ качествомъ — недовѣрчивость. Но эта фаза его существованія была коротка, а превращеніе куколки въ бабочку — крайне быстро.

Многимъ до сихъ поръ памятно первое появленіе императора въ одномъ изъ историческихъ учрежденій имперіи. Стоялъ сырой, холодный ноябрьскій день 1894 г. Члены Государственнаго Совѣта, изъ которыхъ многіе были ветеранами, служившими еще прадѣду царя, были созваны, чтобы отдать честь новому монарху. Они собрались задолго до назначеннаго времени, одѣтые въ пышные наряды, прикрывъ свое внутреннее „я" придворной маской благоговѣнія и восторга. А онъ пришелъ и ушелъ, какъ дуновеніе вѣтра въ песчаной пустынѣ, оставивъ ихъ протирающими глаза отъ изумленія. Они ожидали царскаго величія, но вмѣсто того увидѣли ребяческую неловкость, шаркающую походку, бросаемые изъ-подъ-тишка взгляды и спазмодическіе жесты. Маленькій, тщедушный юноша, прошелъ бочкомъ въ комнату, гдѣ эти посѣдѣвшіе сановники ожидали его. Опустивъ глаза, онъ быстро произнесъ пронзительнымъ фальцетомъ одну, единственную фразу: „Господа, отъ имени моего покойнаго отца благодарю васъ за вашу службу". Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, повернулся и вышелъ. Присутствующіе переглянулись между собою — одни въ изумленіи, другіе съ горечью, многіе — вознося внутренно молитвы къ небу о судьбахъ націи; послѣ неловкаго молчанія они наконецъ разошлись по домамъ.

Слѣдующая затѣмъ встрѣча націи со своимъ монархомъ произошла спустя нѣсколько дней, по другому, столь же торжественному случаю. Но въ этотъ промежутокъ г. Побѣдоносцевъ, этотъ свѣтскій архіерей самодержавія, обладающій секретомъ духовнаго помазанія и умственнаго вооруженія избранниковъ господнихъ, успѣлъ уже загипнотизировать его.

При второмъ его появленіи основная нота поведенія императора заключалась въ достоинствѣ, достоинствѣ недостижимомъ, почти сверхчеловѣческомъ. Вся Россія собралась тогда въ лицѣ

представителей земствъ, чтобы от-дать честь его величеству по поводу восшествія на престолъ. Всѣ эти учрежденія представили безчисленные вѣрноподаннические адреса, написанные цвѣтистымъ языкомъ восточнаго подобострастія. Одинъ изъ этихъ документовъ — всего одинъ—показался г. Побѣдоносцеву отдающимъ либерализмомъ. Не менѣе вѣрноподанн『ческое, и по формѣ, и по духу, чѣмъ адреса другихъ земствъ, обращеніе Тверскаго Земскаго Собранія, неопредѣленно выразило скромную надежду, что довѣріе его величества не будетъ оказано исключительно бюрократіи, но что имъ будетъ также пользоваться русскій народъ и земства, преданность которыхъ престолу вошла въ пословицу. Это было разумное желаніе. Серьезно назвать его преступленіемъ было невозможно; наконецъ, если въ немъ и проявлялся извѣстный, весьма скромный духъ независимости, все же въ концѣ концовъ, это былъ голосъ всего одного земства, тогда какъ люди, явившіеся отдать честь императору, представляли не одно единственное земство, а всю Россію; между тѣмъ самодержецъ величественно вошелъ въ блестяще освѣщенную залу съ нахмуренной бровью и значительно сжатыми губами и, обратившись яростно къ избранникамъ націи, топнулъ ножкой и приказалъ имъ навсегда отбросить столь химерическія мысли, которыхъ онъ ни за что не потерпитъ. Таково было первое властное заявленіе царя о томъ, что онъ есть намѣстникъ бога на землѣ. Даже самые твердые сторонники самодержавія порицали этотъ шагъ, какъ грубый и безтактный.

Между этими двумя публичными появленіями Николая II и лежитъ тотъ короткій періодъ воздѣйствія, въ теченіи котораго этого впечатлительнаго юношу заставили не столько увѣровать, сколько возчувствовать, что онъ замѣститель господа бога, земная ѵпостась его божественнаго владыки. Съ этого времени его величество преисполнился духа самовозвеличенія, который все усиливался согласно тому психологическому закону, по которому надменность захватываетъ все то пространсто, какое раболѣпіе готово ему уступить. Вскорѣ Николай Александровичъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на средоточіе всего міра, миротворца человѣческаго рода, какъ на носителя цивилизаціи, среди „желтыхъ„ и иныхъ „варварскихъ“ расъ, и какъ на правителя, дающаго своему народу чуть не всевозможныя блага. Глядя на эту свою фантастическую миссію вполнѣ серьезно, онъ постоянно и непосредственно вмѣшивался въ каждое государственное дѣло, будь оно внутренне, или международное, подрывая естественное теченіе правосудія, разрушая, разоряя своихъ подданныхъ, хвастаясь своей страстною любовью къ міру, и въ то же время вовлекая свой народъ, отягоченный налогами, во всѣ ужасы кровопролитной и ненужной войны.

Прежде чѣмъ привести нѣкоторые изъ тѣхъ многихъ фактовъ, которые извѣстны большинству лицъ, живущихъ подъ сѣнью трона,—фактовъ, вполнѣ подтверждающихъ только что сдѣланную

характеристику ума и внутренняго состоянія его величества, я считаю необходимымъ заявить, что я приверженецъ монархіи и противникъ нигилизма, соціализма и всякаго рода революціонной агитаціи. Я не желалъ бы даже бумажной конституціи, которая, при настоящихъ нашихъ обстоятельствахъ, явилась бы лишь ловушкой для людей съ либеральнымъ умомъ, ибо она лишь собирала бы ихъ во едино для тюремнаго заключенія. Единственное мое желаніе, какъ и желаніе большей части либерально настроенныхъ людей въ Россіи, состоитъ въ томъ, чтобы духъ администраціи былъ приведенъ въ гармонію съ нуждами времени и народа, и чтобы учрежденіе извѣстное подъ именемъ Совѣта Министровъ, созданное указомъ Александра II, и остававшееся доселѣ мертвой буквой, было призвано къ жизни и къ работѣ; ибо тотъ фактъ, что народъ переросъ старыя формы управленія, долженъ быть открыто признанъ и изъ него сдѣланы соотвѣтственные практическіе выводы.

Единственная годная для Россіи форма правленія есть сильная монархія, но между нею и дикимъ восточнымъ деспотизмомъ есть разница. Николай II, хотя и не направляется своими оффиціальными совѣтниками, тѣмъ не менѣе никогда не былъ свободнымъ и независимымъ правителемъ. Въ первую половину его царствованія, его водила на помочахъ мать, которая, едва онъ взошелъ на тронъ, запечатлѣла въ его душѣ необходимость во всемъ подражать „незабвенному родителю". Эта фраза была вырѣзана на скрижаляхъ его памяти и вѣчно находится и на его языкѣ, и на кончикѣ его пера. Долгое время эта фраза была тѣмъ заклинаніемъ, которое обезпечивало доступъ къ его сердцу и уму, такъ какъ онъ добросовѣстно старался быть копіей Александра III, и воображаетъ, что достигъ своей цѣли. На самомъ дѣлѣ, отецъ и сынъ, такъ же непохожи другъ на друга, какъ положительный полюсъ на отрицательный. Отецъ—человѣкъ искренній, мрачный и ограниченный,—инстинктивно чувствовалъ свои недостатки и твердо держался въ предѣлахъ своихъ способностей. Съ неослабной настойчивостью и временами съ успѣхомъ, онъ силился пріобрѣсть лучшихъ людей въ узкомъ кругу своихъ знакомыхъ и разъ выбравъ себѣ совѣтника, всегда спрашивалъ его совѣта и, вообще говоря, слѣдовалъ послѣднему. Онъ чувствовалъ полное отвращеніе къ нетвердости въ словѣ и его обѣщаніе считалось поэтому вѣрнѣе любого документа, не смотря даже на его ложное отношеніе къ финляндцамъ и не сдержанное обязательство по поводу Батума. Во всѣхъ этихъ характеристическихъ чертахъ сынъ представляетъ полную противуположность отцу. Неустойчивый, нерѣшительный, самодовольный, измѣнчивый, онъ тасуетъ своихъ любимцевъ сообразно перемѣнѣ настроенія, позволяя кликѣ случайныхъ, темныхъ и опасныхъ людей присваивать себѣ функціи его отвѣтственныхъ министровъ, тогда какъ предложенія послѣднихъ оставляются безъ вниманія, ихъ предостереженія пропускаются мимо ушей, а мѣры, принимаемыя ими для защиты госу-

дарства не только вмѣняются ни во что, но принимаются враждебно, какъ проявленіе непослушанія.

Вліяніе на Николая II его матери скоро пришло къ концу, главнымъ образомъ изъ за несогласія между нею и ея невѣсткой по поводу дѣтей императора. Въ теченіи этого соперничества упорная оппозиція молодой жены положила предѣлъ вліянію матери на сына. Однимъ изъ послѣдствій этой домашней борьбы за господство надъ императоромъ было частичное и временное освобожденіе послѣдняго отъ неоффиціальнаго контроля и первымъ самостоятельнымъ шагомъ царя во второй годъ его царствованія, было назначеніе г. Горемыкина, человѣка, ничѣмъ не пріобрѣтшаго право на такое положеніе,—министромъ внутреннихъ дѣлъ (1896). Этотъ чиновникъ оставался у власти въ теченіи 3-хъ лѣтъ и былъ затѣмъ перемѣщенъ на постъ президента комитета министровъ, своего рода почетное убѣжище для отставныхъ государственныхъ людей. О его наслѣдникѣ, г. Сипягинѣ, избранномъ, благодаря вліянію вдовствующей императрицы, которая указала, что его отличалъ „незабвенный родитель", стоитъ сказать нѣсколько словъ, ибо послѣ собственныхъ поступковъ человѣка, разсматриваемыхъ при свѣтѣ его признанныхъ побужденій, нѣтъ болѣе вѣрнаго матерьяла для оцѣнки его нравственнаго характера и умственной силы, какъ выборъ себѣ сотрудниковъ и приближенныхъ. Права нѣкоторыхъ монарховъ, на благодарность своихъ подданныхъ, — напримѣръ, стараго императора Вильгельма — основаны исключительно на мудромъ выборѣ ими своихъ министровъ и на той твердости, съ которою они послѣднихъ держались и въ счастьи, и въ несчастьи. Измѣряемый этой мѣркой, Николай II будетъ признанъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ правителей русскаго народа.

Его второй избранникъ, Сипягинъ, былъ прозванъ „бояриномъ" за свое крайнее пристрастіе къ древнимъ русскимъ обычаямъ и традиціямъ и за ребяческія формы, въ которыхъ онъ проявлялъ эту черту. Беотіецъ по своему умственному складу, но пріятный собесѣдникъ, онъ былъ радушно принятъ въ домахъ нашего дворянства, гдѣ болтовня за чайнымъ столомъ цѣнится высоко. Его политическое могущество лежало въ той цѣльности, съ какою онъ отдался роли придворнаго и искусству, съ какимъ онъ игралъ эту роль. Неизмѣнно въ хорошемъ расположеніи духа, вѣчно сіяя улыбками, постоянно съ медовыми рѣчами на устахъ, онъ заражалъ, какъ своего господина, такъ и многихъ изъ равныхъ себѣ, оптимизмомъ Кандида. Все шло къ лучшему въ наилучшемъ изъ государствъ—Россіи, благодаря ихъ лучшему и величайшему изъ монарховъ, Николаю II-му. Таковъ былъ символъ вѣры Сипягина, который искренно любилъ своего государя и ошибочно принималъ эту любовь за патріотическій долгъ. Въ отвѣтъ императоръ почувствовалъ къ Сипягину большое расположеніе и сдѣлалъ его не только своимъ другомъ, но даже това-

рищемъ, отличая его отъ всѣхъ другихъ людей спеціальными знаками милости. Его величество, напримѣръ, никогда не обѣдаетъ и не ужинаетъ у своихъ министровъ, но въ пользу Сипягина онъ сдѣлалъ исключеніе.

Власть Сипягина надъ Николаемъ II достигла такой высоты, что возбудила даже ревность г. Побѣдоносцева: она коснулась даже религіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ вторгнулся въ область Оберъ-Прокурора святѣйшаго Синода со свойственной ему легкостью и безцеремонностью: онъ убѣдилъ царя посѣтить Москву и провести тамъ страстную недѣлю, и успѣхъ поѣздки превзошелъ всѣ ожиданія. Во время этого поломничества Сипягинъ третировалъ императора точно такъ же, какъ нѣкогда Потемкинъ Екатерину II: онъ окружилъ царя атмосферой народной любви, наглядными доказательствами благосостоянія его подданныхъ, опьянилъ его чувствомъ самодовольства. Но пока его величество благодарилъ небеса за то, что его народъ счастливѣе иностранцевъ, изъ милліоновъ его подданныхъ выжимались тяжело выработанныя ими деньги и многіе изъ нихъ заключались въ тюрьму или ссылались —одни за то, что исполняли заповѣди господни, другіе за то, что нарушали несправедливыя заповѣди правительства. Сипягинъ, не будучи по натурѣ жестокимъ человѣкомъ, пользовался всеобщею ненавистью, какъ представитель и вдохновитель такого положенія дѣлъ. Друзья предостерегали его и совѣтовали быть на сторожѣ, но онъ отвѣчалъ, что будетъ исполнять свой долгъ и съ легкимъ сердцемъ продолжалъ идти по прежнему пути.

Въ понедѣльникъ, 1 апрѣля 1901 г., онъ пригласилъ его величество на слѣдующій четвергъ къ обѣду и императоръ милостиво согласился. Тотчасъ же начались приготовленія какъ въ домашнемъ кругу, такъ и въ министерствѣ. Министерскіе чиновники были разосланы за необыкновенной клубникой, превосходившей величиной ту, что можно было найти у Елисѣева на Невскомъ. Цыгане должны были пѣть передъ царемъ. Въ Парижъ полетѣли телеграммы о присылкѣ получившихъ премію цыплятъ, заказаны были блины съ икрой „à la Russe“, изъ магазина Проспера въ Харьковѣ затребованы по телеграфу гастрономическія рѣдкости и не мало чиновныхъ лицъ министерства рыскало по столицѣ, отыскивая пикантные деликатесы. Но въ четвергъ, назначенный для пиршества, тѣло Сипягина было отнесено въ мѣсто послѣдняго успокоенія. Министръ былъ убитъ юношей, носившимъ имя Балмашева, недостигшимъ еще 21 года. Убійство это было одновременно и предостереженіемъ, и протестомъ.

Теперь его величеству представлялся новый случай выказать свою проницательность и удовлетворить своимъ предрасположеніямъ. Доступный прежде всего ощутительнымъ и явнымъ вліяніямъ, онъ остановилъ выборъ на г. фонъ-Плеве, который, затѣмъ, быстро развился въ грознаго диктатора всея Россіи. Этотъ чиновникъ обладаетъ порядочнымъ образованіемъ, отлично знакомъ съ

некрасивой стороной человѣческой природы, умѣетъ ловко затронуть надлежащія струны чувства, предубѣжденія, или страсти и не теряетъ головы въ самыхъ опасныхъ кризисахъ. Когда всѣ государственные сановники и чиновники потеряли присутствіе духа послѣ трагической смерти Александра II, фонъ Плеве, въ то время прокуроръ, оставался хладнокровнымъ, сдержаннымъ, находчивымъ. Эти черты были замѣчены и его возвышеніе было быстро; онъ былъ сдѣланъ послѣдовательно директоромъ департамента полиціи и государственнымъ секретаремъ, въ качествѣ каковаго приложилъ свою руку къ обездоленію Финляндіи, прежде чѣмъ, наконецъ, судьбы 150 милліоновъ русскихъ были отданы на его усмотрѣніе.

Г. фонъ-Плеве невозможно классифицировать ни по національности, ни по генеалогіи, ни по церкви или партіи. Темнаго происхожденія, съ примѣсью еврейской крови къ нѣмецкой, неопредѣленнаго вѣроисповѣданія*), — его нравственная цѣнность была достаточно опредѣлена много лѣтъ тому назадъ его собственными коллегами по министерству юстиціи и не такъ давно снова въ Комитетѣ Министровъ. Онъ хорошо зналъ враждебное къ себѣ отношеніе окружающихъ, поэтому первые его шаги были разсчитаны на то, чтобы измѣнить это отношеніе. Онъ отправился въ Троицко-Сергіевскую Лавру и тамъ благоговѣйно принялъ причастіе изъ рукъ православнаго священника. Пока онъ, такимъ образомъ, выказывалъ передъ своими подчиненными свою религіозность, харьковскихъ и полтавскихъ крестьянъ, по его приказанію, жестоко пороли за то, что они волновались. Посѣтивъ эти губерніи лично, г. фонъ-Плеве тотчасъ же наградилъ харьковскаго губернатора за то, что тотъ безъ промедленія приступилъ къ сѣченію недовольныхъ и наказалъ полтавскаго губернатора за то, что тотъ поролъ заднимъ числомъ.

Это волненіе крестьянъ, которое повторилось также въ Саратовской губерніи и въ другихъ мѣстахъ, составляетъ эпоху въ русской исторіи, такъ какъ результатомъ его явилось учрежденіе г. Витте „Совѣщанія" для изслѣдованія состоянія земледѣльческихъ классовъ въ имперіи, а затѣмъ и паденіе этого министра.. Предводителямъ дворянства было предоставлено пригласить гласныхъ земствъ, помѣщиковъ и вообще кого бы то ни было, кто былъ бы въ состояніи пролить надлежащій свѣтъ въ дѣлѣ такого изслѣдованія; спрошено было мнѣніе и крестьянъ, и всѣ вообще поощрялись высказаться откровенно. Вопросъ, поставленный для отвѣта былъ таковъ: если крестьянство обнищало и вырождается физически, — если пища крестьянъ количественно меньше, а качественно хуже, чѣмъ когда-либо, то кого надо въ этомъ ви-

*) Недавно умеръ отецъ г. Плеве и всемогущій министръ лично явился къ лютеранскому пастору, прося его совершить надгробную службу быстро и безъ оказательства. Ему не хотѣлось дѣлать извѣстнымъ, что онъ, оплотъ православія, былъ сыномъ протестанта.

нить: природу или человѣка? И если — человѣка, то кого именно? Результатъ изслѣдованія оказался неоспоримымъ, такъ какъ эти представители различныхъ классовъ въ Россіи — классовъ, интересы которыхъ во многомъ сталкиваются — не сговариваясь между собою, высказали, въ существѣ, одно и то же мнѣніе. Вообще склонные къ чрезмѣрной мягкости выраженій, они, однако, осудили систему администраціи. Г. фонъ Плеве поставилъ точки надъ всѣми „i“ „свѣдущихъ людей“, объявивъ, что система эта — самодержавіе; и ни одинъ добросовѣстный русскій не сможетъ сказать, что онъ былъ неправъ въ своей терминологіи.

Реформы Александра II, освободившаго крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, слѣдовало бы, по мнѣнію, „свѣдущихъ людей“ развить далѣе. Крестьянъ слѣдовало бы освободить отъ путъ спеціальныхъ карательныхъ законовъ. Ихъ необходимо научить читать, держать въ чистотѣ тѣло и душу, бороться противъ страшныхъ болѣзней, которыми они въ настоящее время по своему невѣжеству заражаютъ другъ друга, стряхнуть съ нихъ сѣть суевѣрій, спутывающую ихъ духовную природу, тогда какъ ядъ заразы подтачиваетъ физическое здоровье и помочь имъ подготовиться къ торговлѣ и промышленности. Таково было мнѣніе представителей всей Россіи: дворянъ, землевладѣльцевъ, докторовъ, юристовъ, купцовъ и крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, люди, высказавшіе его, были наказаны за свою смѣлость. Г. Витте побуждалъ ихъ высказаться; царь наказалъ ихъ за то, что они послушались его министра, а г. ф.-Плеве поощрялъ въ томъ царя.

Это „Совѣщаніе“ было поворотнымъ пунктомъ въ карьерѣ г. Витте, котораго императоръ унаслѣдовалъ отъ своего незабвеннаго родителя. Легкость, съ какою этотъ министръ попалъ въ немилость и странность основаній, по которымъ получилъ отставку, какъ нельзя лучше характеризуютъ причудливыя наклонности царя и въ мышленіи, и въ дѣйствіяхъ. Г. Витте — государственный человѣкъ большихъ способностей и большихъ недостатковъ — финансистъ, котораго болѣе ранняя политика принесла странѣ, по моему крайнему убѣжденію, много вреда, тогда какъ его дѣйствія болѣе зрѣлаго періода принесли много добра. Будучи министромъ, онъ въ концѣ концовъ понялъ потребности своего времени и своей страны, и старался, съ перемѣннымъ успѣхомъ, удовлетворить ихъ; его дѣятельность была смѣшанная: она многое обѣщала, кое что выполнила, иное ей не удалось. Если кривой необходимо является вожакомъ среди слѣпыхъ, то конечно, Витте заслуживаетъ быть главою правительства въ современной Россіи; но члены камарильи не пожелали его терпѣть и, пользуясь поддержкой монарха, оказались сильнѣе министра. Они уже довели дѣло до того, что министромъ въ Россіи можетъ въ настоящее время быть лишь тотъ, кто искусенъ въ лести царю; Витте же не владѣлъ этимъ искусствомъ. Онъ не только свобод-

но высказывалъ свое мнѣніе передъ Николаемъ II, но даже отказывался измѣнить его по желанію императора. Равнымъ образомъ онъ отказался надувать иностранныя державы.

„Ваше величество изволили дать слово, что Манчжурія будетъ очищена и свѣтъ повѣрилъ вамъ. Россія потеряетъ всякое довѣріе, быть можетъ, не удержитъ и Манчжурію, если теперь вашему величеству угодно будетъ не сдержать этого обѣщанія. Далѣе, это неизбѣжно поведетъ къ войнѣ, а мы страшно нуждаемся въ мирѣ. Манчжурія, сверхъ того, вполнѣ для насъ безполезна. Въ виду изложеннаго, я не могу быть причастнымъ этой политикѣ". Таковы были откровенныя рѣчи министра финансовъ, пренебрегавшаго придворной фразеологіей. „Витте высокомѣрный диктаторъ, играющій роль императора", — этой фразой придворные обмѣнивались между собою, трубили ее и въ императорскія уши при посредствѣ великихъ князей. И самодержецъ, разсерженный тѣмъ, что подданный отказался вызывать, заодно съ нимъ, войну, заявляя себя въ то же время сторонникомъ мира, отставилъ непокладистаго министра.

Для русской націи эта отставка означала страшное кровопролитіе, огромный расходъ и общую бѣду; а что она еще обозначаетъ сверхъ того, пока нельзя сказать.

Г. фонъ-Плеве въ настоящее время самое вліятельное лицо въ Россійской Имперіи, своего рода Великій Визирь, имѣющій неограниченную власть надъ націей, которую да будетъ намъ позволено назвать величайшею на землѣ. И этимъ положеніемъ своимъ онъ обязанъ доброй волѣ своего царственнаго господина. И останется ли онъ у власти, или будетъ завтра же отставленъ, зависитъ не отъ того добра или зла, какое получается отъ его произвольнаго управленія, но отъ степени успѣшности его попытокъ внушить царю самоувѣренность и убѣдить своенравнаго монарха, что пока самодержавіе находится въ его рукахъ, оно внѣ опасности. Избіенія евреевъ, ссылка финляндцевъ, грабежъ армянъ, преслѣдованіе поляковъ, высылки русскихъ дворянъ, порка крестьянъ, заключеніе и бойня русскихъ рабочихъ, установленіе чрезвычайно широкой системы шпіонства и попраніе закона, таковы мѣры, которыя министръ предлагаетъ, а царь отъ всей души одобряетъ. Г. фонъ-Плеве, подобно своимъ сотоварищамъ, не былъ бы министромъ, если бы его управленіе было дѣйствительно полезно для страны. Эта правда о правительствѣ Николая II не можетъ нравится, но ее необходимо сказать.

Другимъ любимымъ совѣтникомъ царя является г. Муравьевъ, министръ юстиціи, который старательно и съ легкимъ сердцемъ подчинилъ правосудіе причудамъ своего монарха. Это одинъ изъ тѣхъ податливыхъ общественныхъ дѣятелей типа Бертрана Барера, которыхъ можно найти въ любой странѣ во времена общественнаго и политическаго хаоса. Сегодня нѣтъ предѣла его раболѣпію передъ монархомъ; завтра никто не былъ бы удивленъ,

еслибы онъ подалъ голосъ вмѣстѣ съ русскими якобинцами за уничтожаніе самодержавія. Черезъ него суды получаютъ своевременно намеки касательно желаній короны въ тѣхъ процессахъ, которые интересуютъ правителей Россіи.

Такимъ образомъ, большая ошибка воображать, что императоръ не болѣе, какъ пѣшка въ рукахъ своихъ министровъ; напротивъ, они суть его орудія, предлагающія мѣры, пріятныя монарху и формулирующія его волю. Они даютъ ему чувствовать, что всѣ его мысли правильны, всѣ его рѣчи правдивы и всѣ его дѣйствія справедливы. Этотъ гобзовскій взглядъ на его положеніе былъ тщательно привитъ царскому уму обоими теоретиками самодержавія: г. Побѣдоносцевымъ и княземъ Мещерскимъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода — этотъ хладнокровный фанатикъ типа Торквемады — есть поборникъ восточнаго деспотизма въ его крайней стадіи, но вооруженнаго желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами и ружьями и освященнаго канонизаціями, ладономъ и святымъ масломъ; его идеалъ—подвиги Іоанна Грознаго, совершаемыя съ благословенія св. Серафима. Обрисовать достаточно полно князя Мещерскаго — редактора "Гражданина" и приватнаго совѣтника царя — едва ли возможно, не вводя въ изложеніе такого сорта сценъ, которыя оскорбили бы чувства нерусской публики. Его политическія идеи равносильны идеямъ Дагомейскаго королевства пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, или Бухарскаго Ханства настоящаго времени, но измѣненныя въ двухъ существенныхъ пунктахъ. По его мнѣнію, каждый губернаторъ, каждый земскій начальникъ долженъ бы обладать безотвѣтственной властью самодержца,—имѣя дѣло съ крестьянствомъ, не долженъ слѣдовать никакимъ законамъ.

Итакъ, царь таковъ, какимъ его сдѣлали унаслѣдованныя наклонности вмѣстѣ съ доктринами Побѣдоносцева и Мещерскаго. Онъ есть Tertium quid [нѣчто среднее] между родомъ людскимъ и божествомъ. Такова доктрина обоихъ теоретиковъ самодержавія, таково же и убѣжденіе ихъ воспитанника. Онъ—то единственное „нѣчто", что существенно во всей имперіи. Всѣ остальные—его орудія. Поэтому всѣ государственные чины стараются „потрафлять" ему, выполнять его заповѣди, предвосхищать его желанія, предлагать планы соотвѣтственно его отвержденнымъ идеямъ или проходящимъ настроеніямъ. Неизбѣжно также они окрашиваютъ и коверкаютъ факты, событія и послѣдствія; ибо хотя онъ въ состояніи взвѣсить результаты, его способность понять отношеніе этихъ результатовъ къ соотвѣтственнымъ причинамъ почти атрофирована. Онъ вѣчно борется съ привидѣніями, сражается съ вѣтряными мельницами, вступаетъ въ діалоги со святыми, или совѣтуется съ духами умершихъ. Но онъ никогда не пользуется тѣми средствами, какіе у него дѣйствительно подъ рукой, чтобы помочь своему народу, или предоставить ему помочь самому себѣ. Онъ давнымъ давно пересталъ читать книги и неспособенъ выслушать разумный совѣтъ.

Онъ принимаетъ своихъ министровъ съ чрезвычайными формальностями и отпускаетъ ихъ съ высокомѣрной снисходительностью. Нерѣдко онъ держитъ ихъ въ невѣденіи по такимъ предметамъ, которые имъ слѣдовало бы знать заранѣе и вполнѣ. Такъ, передъ самымъ началомъ настоящей войны случилось нѣсколькимъ сановникамъ и чиновникамъ спросить генерала Куропаткина, какъ идутъ дѣла. Съ недоброй искоркой во взглядѣ военный министръ отвѣчалъ: „Какъ и вы, я знаю только то, что публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Война находится въ вѣдѣніи Алексѣева, а не моемъ". Когда три министра умоляли царя вывести войска изъ Манчжуріи и обезпечить всеобщій миръ, онъ отвѣчалъ: „Я сохраню миръ, но буду въ этомъ слѣдовать моимъ собственнымъ предначертаніямъ". Наканунѣ разрыва съ Японіей одинъ изъ великихъ князей намекнулъ въ общей формѣ на возможность войны. На это императоръ отвѣтилъ: "Это мое дѣло. Японія никогда не начнетъ войны. Мое царствованіе будетъ эрою мира до конца". Съ такимъ то небогатымъ запасомъ мудрости управляются великія націи!

Нельзя достаточно пожалѣть о томъ, что между одиноко стоящимъ государемъ и его недовольной націей нѣтъ положительно ни одного посредника. Нѣтъ ни одного человѣка, который говорилъ бы ему правду. Наша исторія повѣствуетъ о дѣлахъ императоровъ, власть которыхъ была столь же самодержавна, но они не были недоступны для общественнаго мнѣнія, безучастны къ общественнымъ нуждамъ, ни лишены совѣтовъ сильныхъ людей. Александръ I имѣлъ обыкновеніе проводить цѣлыя ночи безъ стѣсненія въ откровенныхъ разговорахъ съ людьми, сообщавшими ему все, что они знали и думали. Николай I пользовался услугами Бенкендорфа, съ которымъ любой русскій могъ разговаривать свободно и который имѣлъ мужество сообщать своему господину о томъ, что было нужно. Александръ II пользовался услугами графа Адлерберга, который игралъ при немъ роль Бенкендорфа довольно успѣшно. Генералъ Риттеръ былъ менторомъ Александра III и вліяніе его на царя было сильно и благодѣтельно. Но Николай II стоитъ одиноко на своемъ головокружительномъ пьедесталѣ, какъ своего рода Симеонъ Столпникъ между императорами. Его адъютантъ, Гессе, пользующійся привиллегіей видѣть царя когда угодно, едва умѣетъ подписать собственное имя. Царь создалъ пропасть между самодержавіемъ и народомъ, между собою и остальными смертными, пропасть, почти столь же широкую и глубокую, какъ та, которая отдѣляетъ божество отъ человѣчеств.

Немало образованныхъ русскихъ сравниваютъ настоящаго императора съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, слабовальнымъ и слабоумнымъ сыномъ Ивана IV. Но въ характерѣ этого монарха были такого сорта черты, говорящія въ его пользу, какихъ мы не находимъ у Николая II. Онъ во всякомъ случаѣ, по крайней

мѣрѣ, сознавалъ свою слабость. Художникъ, давшій намъ его поэтическій портретъ заставляетъ его воскликнуть при одномъ историческомъ случаѣ: „Я царь надъ палачами!“ Какъ бы то ни было, его слабость имѣла болѣе чѣмъ противовѣсъ въ силѣ воли такого замѣчательнаго государственнаго человѣка, какъ Борисъ Годуновъ. Въ настоящее время быстро укореняется мнѣніе, что Николай II въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ становится все болѣе и болѣе похожъ на несчастнаго Павла I. Онъ абсолютно неспособенъ по своимъ личнымъ качествамъ управлять судьбами великаго народа. Къ несчастью, однако, онъ совершенно не сознаетъ этой своей неспособности. Вотъ въ чемъ и лежитъ опасность, грозящая Россіи дома и ея мирнымъ сосѣдямъ заграницей. Глубоко сидящая въ немъ увѣренность въ своихъ способностяхъ заставляетъ его сторониться людей, которыхъ государственный умъ могъ бы защитить его народъ отъ послѣдствій его ошибокъ и побуждаетъ выбирать такихъ чиновниковъ, которые служатъ простыми пѣшками въ его нетвердыхъ рукахъ. Вотъ почему онъ самымъ несчастнымъ образомъ выбираетъ своихъ фаворитовъ и министровъ. Такъ, то обстоятельство, что онъ могъ предложить постъ министра народнаго просвѣщенія человѣку до такой степени обезславленному, какъ князь Мещерскій, столько же ожесточаетъ противъ него многихъ изъ его подданныхъ, какъ ожесточило бы противъ власти въ Англіи назначеніе какого нибудь Джэбеза Балфора*) на мѣсто архіепископа Кентерберійскаго.

Немало было писано о миролюбіи Николая II, о его милосердіи, мягкости и прямотѣ; но русскіе авторы этихъ восхваленій принадлежатъ къ категоріи тѣхъ льстецовъ, которые, пока его величество изволятъ почивать, цитируютъ глубокомысленныя мѣста изъ его храпа. Его репутація, какъ незыблемаго друга мира есть не болѣе, какъ отраженіе взглядовъ, старательно напечатлѣнныхъ на немъ г. Витте, вся политика котораго, какъ благодѣтельная, такъ и дурная, была основана на мирѣ. Но, благодаря недостаточному развитію той способности, посредствомъ которой умъ прослѣживаетъ связь между слѣдствіемъ и причинами и разсчитываетъ возможные результаты, всѣ дѣйствія Николая II вызываютъ именно тѣ послѣдствія, которыхъ онъ желалъ бы избѣгнуть.

Въ своей государственной дѣятельности царь сдержанъ и формаленъ. Предсѣдательствуя въ какомъ нибудь комитетѣ, или совѣтѣ, онъ, подобно своему отцу, молча прислушивается къ чужимъ мнѣніямъ, почти всегда умалчивая о собственномъ взглядѣ. По временамъ онъ отступаетъ отъ этого обыкновенія, когда желаетъ дать совѣщаніямъ извѣстное направленіе. Такъ было,

*) Извѣстный прохвостъ, занимавшійся устройствомъ дутыхъ акціонерныхъ компаній, прикарманившій этимъ путемъ громадныя суммы и бѣжавшій въ Бразилію, откуда онъ былъ, однако, выданъ Англіи и осужденъ въ каторжныя работы. Ред.

напримѣръ, когда фонъ-Плеве внесъ проэктъ закона о расширеніи произвольной власти губернаторовъ, предлагая сдѣлать этихъ чиновниковъ представителями не только общаго управленія, но также и самого самодержца, а потому передать имъ часть его власти. При этомъ случаѣ императоръ открылъ засѣданіе нѣсколькими словами, въ томъ смыслѣ, что онъ раздѣляетъ взгляды министра. Въ своемъ кабинетѣ онъ обыкновенно занятъ подписываніемъ отвѣтовъ на заявленія вѣрноподданичества или надписываніемъ отмѣтокъ на поляхъ докладовъ, представляемыхъ министрами, губернаторами и иными чиновниками. Придворные стараются поддержать въ немъ увѣренность въ томъ, что всѣ эти отвѣты и отмѣтки безцѣнны; даже такія плоскія замѣчанія, какъ „очень радъ", или „дай богъ, чтобы это было такъ" печатаются въ газетахъ жирнымъ шрифтомъ, въ рукописи же покрываются лакомъ и сохраняются въ архивахъ, какъ священныя реликвіи. Самыя интересныя изъ этихъ отмѣтокъ никогда, однако, не обнародываются, и такихъ можно бы набрать цѣлую коллекцію. Вотъ образчикъ. Недавно графъ Ламсдорфъ представилъ царю докладъ о переговорахъ по поводу военнаго карабля "Манчжуръ". Существо доклада заключалось въ томъ, что Китайскія власти предложили "Манчжуру" оставить нейтральный портъ Шанхай, такъ какъ того многократно и настоятельно требовалъ мѣстный японскій консулъ. На поляхъ доклада его величество начерталъ слѣдующія достопамятныя слова: „Японскій консулъ негодяй".

Императоръ считаетъ правомъ и обязанностью самодержца всея Россіи лично вмѣшиваться въ каждое дѣло, къ которому онъ почувствуетъ личный интересъ, или которое имѣетъ какое-либо отношеніе къ его миссіи. Случаи подобнаго ненужнаго личнаго вмѣшательства почти такъ же многочисленны, какъ и его оффиціальныя дѣянія и результаты нѣкоторыхъ изъ нихъ записаны огнемъ и кровью въ исторіи его царствованія. Они подточили чувство законности, а конецъ законности всегда знаменуетъ начало царства насилія. Самое грустное во всемъ этомъ то, что, чѣмъ шатче онъ становится, тѣмъ рѣшительнѣе онъ сметаетъ тѣ послѣднія слабыя преграды между самодержавіемъ и безуміемъ или несправедливостью, какія существуютъ въ видѣ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и Сената. Вотъ нѣсколько примѣровъ, и пусть читатель судитъ самъ. Нынѣ уволенный министръ народнаго просвѣщенія Зенгеръ, который не былъ врагомъ просвѣщенія, подобно столь многимъ своимъ предшественникамъ, внесъ проэктъ о преобразованіи содержимой на общественныя пожертвованія прогимназіи въ Луцкѣ въ гимназію. Это была полезная мѣра и Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ ее, одобрилъ единогласно. Но на докладѣ, представленномъ царю, его величество написалъ: „Нѣтъ, я совершенно расхожусь съ Государственнымъ Совѣтомъ. Я нахожу, что необходимо поощрять техническое, а не классическое образованіе". Проэктъ провалился и Зенгеръ

подалъ въ отставку. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности никакое образованіе не поощряется — ни классическое, ни техническое.

Сенатъ, будучи учрежденіемъ столько же судебнымъ, сколько административнымъ, имѣетъ право постановлять рѣшенія по большинству голосовъ, которыя, если имъ не противится министръ юстиціи, пріобрѣтаютъ силу закона. Напротивъ того, ни Государственный Совѣтъ, ни Комитетъ Министровъ, не могутъ издавать законовъ, потому что ихъ рѣшенія представляются царю, который можетъ либо согласиться съ большинствомъ, либо съ меньшинствомъ, или, оставивъ въ сторонѣ и то и другое, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Александръ III обыкновенно принималъ сторону меньшинства; его сынъ и наслѣдникъ религіозно слѣдуетъ этому примѣру, но онъ ввелъ обычай одобрять проэктъ закона въ принципѣ, предоставляя министру затѣмъ послать его въ Совѣтъ или Комитетъ, такъ что всѣ члены учрежденія заранѣе знаютъ взглядъ монарха. Если, однако, большинство членовъ того или другого учрежденія оказывается достаточно честнымъ и смѣлымъ для того, чтобы вотировать противъ проэкта, царь неизмѣнно принимаетъ сторону меньшинства.

Вотъ забавный случай, характеризующій наше правительство и нашихъ правителей. Былъ предложенъ законъ о вознагражденіи помѣщиковъ балтійскихъ губерній за убытки, понесенные ими отъ введенія правительственной монополіи на продажу спирта. Г. Витте былъ того мнѣнія, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ должно быть выплачено нѣсколько милліоновъ рублей; большинство Государственнаго Совѣта полагало, что сумма эта должна быть уплочена сразу. Витте сообщилъ царю объ этомъ разногласіи и царь обѣщалъ утвердить мнѣніе меньшинства. Министръ сообщилъ въ письмо къ секретарю Государственнаго Совѣта (въ то время г. Плеве), что государь утвердитъ мнѣніе меньшинства, какъ только соотвѣтственные документы будутъ въ его рукахъ. Въ свою очередь г. Плеве сообщилъ содержаніе письма всѣмъ членамъ Совѣта. Тогда многіе изъ сановниковъ, видя, что оппозиція безполезна, измѣнили свое мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, свой *вотъ*. Такъ что меньшинство неожиданно превратилось въ большинство. Въ свое время всѣ документы были предъявлены царю, который изо всей исторіи помнилъ только, что обѣщалъ г. Витте отвергнуть мнѣніе большинства. Не читая бумагъ и не давая себѣ труда подумать, онъ выполнилъ свое обѣщаніе и такимъ образомъ заранѣе осужденное мнѣніе сдѣлалось закономъ.

Обычный ходъ правосудія, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, равнымъ образомъ подвергается риску быть нарушеннымъ. Вотъ примѣръ: нѣкто вошелъ въ огромные долги въ Петербургѣ и былъ объявленъ банкротомъ. Согласно закону, его имѣнія должны были быть проданы для удовлетворенія кредиторовъ. Тульскому банку поручена была эта продажа. Тѣмъ временемъ

къ царю обратились за заступничествомъ и онъ издалъ высочайшее повелѣніе, которымъ продажа и дѣйствіе закона были пріостановлены. Противъ княжны Имеретинской начатъ былъ искъ наслѣдниками ея покойнаго мужа. Княжна, имѣющая сильныхъ друзей, частнымъ образомъ просила его величество вмѣшаться въ ея дѣло и просьба эта была исполнена. Царь приказалъ истцамъ прекратить искъ, а дѣло остановить и его воля исполнена. Третій случай: нѣсколько дворянъ продали свои имѣнія купцамъ. Сдѣлки были заключены надлежащимъ образомъ и законно утверждены. Но царь собственной властью уничтожилъ купчую крѣпость и приказалъ имѣнія и деньги за нихъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ по принадлежности. Перечень подобныхъ вмѣшательствъ въ естественный ходъ юстиціи легко можетъ быть продолженъ.

О ходѣ правосудія въ политическихъ дѣлахъ нечего много распространяться. Судъ надъ убійцами кишиневскихъ евреевъ у всѣхъ въ памяти. Обстоятельство, которому нѣтъ прецедента вплоть до настоящаго царствованія, сдѣлало это судбище знаменитымъ на вѣчныя времена: гражданскіе истцы въ этомъ дѣлѣ отказались отъ защиты и оставили залу суда вслѣдствіе систематическаго отказа въ правосудіи ихъ кліентамъ. Подобный же образъ дѣйствій былъ усвоенъ адвокатами, когда въ 1903 году разбирались въ Полтавской губ. дѣла объ огульномъ сѣченіи крестьянъ: обвиняемые до такой степени настойчиво лишались правъ, предоставляемыхъ имъ закономъ, что ихъ защитникамъ ничего не оставалось, какъ отказаться отъ защиты и покинуть судъ. Министръ юстиціи закрываетъ двери суда въ каждомъ политическомъ процессѣ и готовъ сдѣлать то же въ любомъ гражданскомъ дѣлѣ, если та или другая сторона имѣетъ вліяніе при дворѣ. Недовольныхъ крестьянъ порятъ безъ суда и правильнаго обвиненія; рабочихъ разстрѣливаютъ въ то время, какъ они демонстрируютъ на улицахъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ министръ юстиціи, т. е., олицетвореніе русскаго закона, является палачомъ правосудія и покорнымъ слугой неправды.

При всемъ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что власть самодержавія могла бы быть употреблена въ цѣляхъ развитія, гуманности, просвѣщенія и правосудія, если бы такова была воля того, въ чьихъ рукахъ эта власть. Единое слово со стороны царя произвело бы глубокую перемѣну въ состояніи всей странѣ и въ чувствахъ населенія. Невозможно возлагать отвѣтственности за дѣйствія царя на его министровъ, къ совѣту которыхъ онъ не обращается въ самыхъ опасныхъ кризисахъ своего царствованія. Его министры никогда не побуждали его нарушить данное имъ обѣщаніе касательно эвакуаціи Манчжуріи; они умоляли его сдержать слово; не повинны они и въ ограниченіи такихъ учрежденій, какъ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и Правительствующій Сенатъ, въ той власти дѣлать добро, какая еще оставалась въ ихъ рукахъ. Не они побудили его сдѣлать монар-

хію посмѣшищемъ, прибѣгая за совѣтами мудрости къ вызыванію духовъ и ища увеличенія могущества въ канонизаціи святыхъ. Никогда не побуждали они его потрясти Финляндію цѣлымъ рядомъ несправедливыхъ мѣръ, достойныхъ восточнаго деспота древняго Вавилона или Персіи; напротивъ, они увѣряли его въ ясныхъ и не всегда вѣжливыхъ выраженіяхъ, что и правосудіе, и справедливость, и государственная мудрость требовали, чтобы онъ удержалъ свою руку. Не его оффиціальные совѣтники подсказали ему планъ ограбить армянскую церковь, захвативъ ея достояніе и доходы, тогда какъ всѣмъ остальнымъ религіямъ ихъ собственность была оставлена; не они посовѣтовали ему отвѣчать пулями и сталью тѣмъ членамъ армянской церкви, которые протестовали во имя своей религіи и совѣсти. Почти всѣ министры на этотъ разъ соединились, предупреждая его, что это будетъ актъ ненужнаго разрушенія и заклиная оставить, или хоть видоизмѣнить свое намѣреніе. Но оставаясь глухимъ ко всѣмъ ихъ убѣжденіямъ, онъ настоялъ на своемъ. Такимъ образомъ настоящее царствованіе ввергло все и вся въ какое то переходное состояніе: ни въ чемъ нѣтъ у насъ той устройчивости, которая наблюдается въ другихъ странахъ. Ни традиціи, ни законы, ни права не уважаются, но за то наши тяготы постоянно увеличиваются, наказанія усиливаются, а страданія и нищета не уменьшаются. Царское вмѣшательство потрясаетъ цѣлую націю и приводитъ въ безпокойство даже темнаго человѣка, такъ какъ никто не можетъ быть увѣренъ, что завтра не придетъ его собственный чередъ. Такъ, съ одной стороны, цѣлое Тверское земство со всѣми его членами, служащими, школами, докторами, учителями и статистиками было уничтожено однимъ почеркомъ императорскаго пера; съ другой стороны, тамъ генералъ, тутъ журналистъ, въ другихъ частяхъ страны адвокаты, доктора, чиновники хватаются и сажаются въ тюрьму. При Павлѣ I его эксцентрическихъ выходокъ имѣли основаніе опасаться только тѣ, кто былъ въ непосредственной близости императора, но Николай II отправилъ для управленія провинціями настоящихъ пашей вродѣ князя Голицына или генерала Бобрикова и эти господа такъ же своевольны, какъ и онъ самъ.

До какой степени страннымъ и непріятнымъ злоключеніямъ могутъ подвергаться частныя лица, будетъ видно изъ слѣдующихъ немногихъ примѣровъ. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ изъ наиболѣе бойкихъ столичныхъ журналистовъ былъ высланъ въ Сибирь—не то что въ день, или часъ, а можно сказать во мгновенье ока. Въ чемъ же этотъ человѣкъ оказался виноватымъ? А только въ томъ, что чрезмѣрно ревностный священникъ повліялъ на царское воображеніе. Въ началѣ 1902 г., г. Амфитеатровъ напечаталъ довольно интересную статью, описывающую домашній бытъ помѣщика, котораго авторъ изобразилъ столь твердымъ и строгимъ въ своей семьѣ и столь щекотливымъ въ своихъ от-

БИБЛИОТЕКА ИМЭ

ношеніяхъ къ прекрасному полу, что онъ кипѣлъ негодованіемъ, если горничная его жены заводила шуры-муры съ какимъ-либо мужчиной, будь онъ человѣкъ близкій или чужой. У него былъ сынъ, симпатичный молодой человѣкъ съ глазами газели и наилучшими намѣреніями, который искренно желалъ всѣмъ счастья, но не имѣлъ никакого понятія о практическихъ дѣлахъ. Добросердечная мать занимала мѣсто между отцомъ и сыномъ, нѣжно любя обоихъ. Это была идиллическая картинка русской жизни въ ея лучшихъ формахъ и ничего больше. Цензоръ прочелъ статью и не нашелъ въ ней ничего предосудительнаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ пробѣжалъ ее и весело перешелъ къ своимъ горячимъ блинамъ съ икрой. Самъ царь прочелъ ее и она ему понравилась; это была „такая милая картинка невозмутимой жизни русскаго помѣщика", но священникъ его величества Янышевъ выудилъ между строкъ государственную измѣну. По его толкованію помѣщикъ, ударявшій по столу кулакомъ каждый разъ, какъ онъ слышалъ о кокетничаньи жениной горничной, былъ никто иной, какъ императоръ Александръ III, а помѣщичій сынъ съ привлекательными глазами и неустойчивымъ характеромъ—Николай II. Такъ какъ нарисованный портретъ (если дѣйствительно было намѣреніе автора написать такой портретъ) былъ не изъ лестныхъ, то со стороны священника было не малой смѣлостью сказать: „государь, молодой человѣкъ съ ограниченнымъ кругомъ идей есть, очевидно, ваше величество"; за царемъ же слѣдуетъ признать не малую дозу наивности, разъ онъ согласился съ увѣреніемъ, что дурацкій колпакъ какъ разъ приходился по императорской головѣ. Онъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ Сипягина и допросилъ его по этому поводу. „Я читалъ фельетонъ, ваше величество, отвѣчалъ министръ, но не нашелъ въ немъ ничего преступнаго". — „Ну-съ, а я вамъ говорю", отвѣчалъ императоръ, „что это измѣнническая насмѣшка надъ моимъ незабвеннымъ отцомъ и надо мною. Отправьте этого канальо въ Сибирь!" И малаго умчали въ Сибирь, не давъ ему даже купить теплаго платья для путешествія, или запастись деньгами для своихъ нуждъ. Не много утѣшенія для г. Амфитеатрова представило то обстоятельство, что съ теченіемъ времени ему было прощено преступленіе, котораго онъ не совершалъ, но все-же онъ сосланъ въ Вологду, гдѣ и посейчасъ искупаетъ оное. *)

При Николаѣ I, при крѣпостномъ правѣ, случались подобные же акты произвола. Но даже и этотъ самодержецъ относился къ ссылаемымъ имъ лицамъ съ извѣстной долей отеческой доброты, чуждой его тезкѣ. Такъ, въ 1826 г. поэтъ Полежаевъ, написавшій стихи, которыя полиція приняла во зло, былъ сосланъ въ армію рядовымъ, но суровый автократъ имѣлъ съ нимъ свиданіе

---

*) Съ тѣхъ поръ г. Амфитеатрову разрѣшено безусловное пребываніе во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Ред.

наканунѣ отправки, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: „ступай и старайся исправиться“. Даже и въ тѣ дни полнаго абсолютизма никогда не случалось, чтобы русскій генералъ въ наказаніе за широкіе взгляды о нуждахъ народныхъ былъ высланъ на Дальній Востокъ, какъ это было сдѣлано нѣсколько недѣль тому назадъ *) съ генераломъ Кузьминымъ-Караваевымъ, профессоромъ военно-юридической академіи въ Петербургѣ, по личному приказанію царя. Гг. Фальборга и Переверзева, которые освистали на съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, имѣвшему мѣсто въ Петербургѣ, подстрекателей Кишиневскихъ убійствъ, также схватила полиція и не давая имъ времени даже надѣть теплое платье, умчала въ Якутскъ, самую холодную мѣстность обитаемой части земного шара. „Холодная строгость есть единственное средство противъ разрушителей государства“, замѣтилъ по этому случаю г. Плеве. Точно такъ же г. Анненскій, старикъ, жившій въ мирѣ со всѣми и каждымъ, былъ внезапно выгнанъ изъ своего дома и города потому только, что шпіонъ по ошибкѣ обвинилъ его въ произнесеніи рѣчи на похоронахъ Н. К. Михайловскаго. Всему свѣту было извѣстно, что Анненскій при этомъ случаѣ не произнесъ ни слова. Но шпіонъ сдѣлалъ промахъ, а Анненскій поплатился за это и дѣло кончено.

Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ и въ самыхъ мелочныхъ ихъ подробностяхъ царь принимаетъ живой и личный интересъ, ибо онъ считаетъ ихъ входящими въ защиту самодержавія. Такимъ образомъ онъ знаетъ, что дѣлается его именемъ. Онъ нарочито и письменно одобряетъ насильственныя дѣйствія и тѣ многія новыя формы ихъ, которыя введены въ употребленіе г. Плеве, этою âme damnée самодержавія. Такъ, онъ наградилъ звѣздой князя Оболенскаго за ту энергію, съ которой тотъ поролъ харьковскихъ крестьянъ и засѣкъ нѣкоторыхъ изъ нихъ до смерти. Онъ даже возвелъ этого старательнаго чиновника въ единственный въ своемъ родѣ санъ генералъ-лейтенанта адмиралтейства, — санъ о которомъ русская публика никогда не слыхала. Онъ назначилъ г. Клейгельса, одного изъ самыхъ страшныхъ полицейскихъ взяточниковъ, своимъ генералъ-адъютантомъ. Это вызвало довольно громко выраженное недовольство не только со стороны націи, но даже двора, такъ какъ никогда еще не случалось, чтобы полицейскій офицеръ получалъ это званіе. Но царь не обратилъ на недовольство ни малѣйшаго вниманія и назначилъ Клейгельса ген.-губернаторомъ въ Кіевъ. Одинъ изъ министровъ робко замѣтилъ, что вся Россія ненавидитъ Клейгельса и что едва ли столь непопулярный человѣкъ сможетъ успѣшно управлять такой безпокойной губерніей, какъ Кіевская. Но Николай Александровичъ на это отвѣтилъ: „мнѣ совершенно все равно, кто что говоритъ; я знаю, что дѣлаю“.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся результатовъ возвращенія

---

*) Писано въ первой половинѣ 1904 г. Ред.

его величества къ временамъ крѣпостнаго права было до сихъ поръ отчужденіе почти всѣхъ классовъ отъ династіи и ея главы. Для русской націи, которая еще не можетъ обойтись безъ монархической формы правленія, это есть бѣдствіе. Вообще говоря, дворянство стоитъ на сторонѣ народа, но не на его сторонѣ стоитъ монархъ. Примѣромъ можетъ служить эпизодъ съ княземъ Вяземскимъ, бывшимъ товарищемъ министра, который публично выразилъ свое осужденіе дѣйствій полиціи, когда она колотила студентовъ нагайками на Невскомъ проспектѣ. Тверское дворянство не только возвысило голосъ въ интересахъ народнаго дѣла, но и потерпѣло за это, такъ какъ царь отнесся къ ихъ словамъ, какъ къ беззаконнымъ и наказалъ ихъ, словно за измѣну. Съ цѣлью подавить подобное сопротивленіе, императоръ выразилъ даже желаніе облечь каждаго губернатора такою властью, которая давала бы его превосходительству возможность ссылать безъ обвиненія и суда любое лицо не только за политическое преступленіе, но за простое разногласіе съ губернаторскимъ взглядомъ на мѣстные вопросы. Совершенно произвольныя обязательныя постановленія были изданы начальникомъ петербургской полиціи, московскимъ ген.-губернаторомъ и губернаторами иныхъ провинцій,—постановленія, которыя уничтожаютъ имперскій законъ—и каждое нарушеніе ихъ наказывается штрафомъ въ 300 рублей, а для Польщи и выше или 3 мѣсяцами тюремнаго заключенія. Губернаторы, облеченные спеціальной властью, имѣютъ теперь право принудить владѣльцевъ недвижимой собственности къ любому акту, который они предполагаютъ необходимымъ для поддержанія того, что считаютъ общественнымъ порядкомъ. Если подобный губернаторъ желаетъ оштрафовать, или посадить въ тюрьму нелюбимаго имъ домовладѣльца, то ему стоитъ лишь послать полицейскаго съ цѣлью найти мусорную кучу, или лужу во дворѣ этого лица, и дѣло сдѣлано.

Не мало привлекательныхъ портретовъ самодержца всероссійскаго было нарисовано, чтобы вызвать восхищеніе англійскаго читателя. Такой читатель можетъ поэтому спросить, какъ согласить все здѣсь разсказанное съ манифестомъ 26-го февр. 1903 г., гдѣ его величество обѣщалъ своему народу кое-какія реформы. Отвѣтъ на это простъ: манифестъ этотъ былъ не болѣе, какъ словеснымъ фейерверкомъ. Этотъ документъ, надѣлавшій шума и въ Россіи, и заграницей, былъ набросанъ г. Плеве, а затѣмъ снова и снова видоизмѣняемъ царемъ, пока наконецъ было выработанно нѣчто съ ничтожнымъ содержаніемъ, изложеннымъ въ торжественной формѣ. Оставляя въ сторонѣ пѣну его фразеологіи, единственными осязательными реформами, предвозвѣщенными этимъ манифестомъ, нужно признать уничтоженіе крестьянской круговой поруки въ податяхъ и поддержаніе религіозной терпимости. Но со времени изданія манифеста Николай II не сдѣлалъ рѣшительно ничего въ пользу вѣротерпимости и весьма много противъ нея.

Преслѣдованіе евреевъ стало практиковаться, послѣ того, какъ его желанныя слова были произнесены, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ и жестокихъ формахъ, чѣмъ до того. Дядя императора, великій князь Сергѣй, состоящій Московскимъ ген.-губернаторомъ сдѣлалъ выкуриваніе евреевъ изъ Бѣлокаменной своего рода спортомъ. Ненавистники евреевъ, идущіе въ своихъ дѣяніяхъ еще дальше, остаются безнаказанными; вчиняемыя ими преслѣдованія нашли бы еще болѣе подражателей, не вызывай этого рода развлеченіе такого раздраженія въ Соединенныхъ Штатахъ. Евреевъ медиковъ собирали въ большомъ числѣ и отправляли на Дальній Востокъ на встрѣчу опасностямъ и смерти. Католикамъ постоянно досаждаютъ въ ихъ дѣловой жизни, ихъ религіозныя чувства оскорбляются и сами они почти насильно загоняются въ православіе злобными распоряженіями, недостойными христіанскаго правительства. Принадлежность къ армянской церкви равносильна наложенію на себя каиновой печати. Быть же русскимъ диссидентомъ подчасъ хуже, чѣмъ быть идолопоклонникомъ, или отравить ближняго. Прекрасный случай для выполненія царскаго обѣщанія возникъ вскорѣ послѣ того, какъ оно было дано. Какъ разъ въ это время составлялось новое Уголовное Уложеніе и обсуждался именно отдѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры. Ожидали, что духъ терпимости и личная мягкость государя внесетъ желаемыя измѣненія въ широкихъ предѣлахъ. Надежды эти не осуществились. Было сдѣлано одно измѣненіе къ лучшему, но всего одно. Православный, желающій оставить православіе, можетъ отнынѣ отправиться заграницу и тамъ перемѣнить вѣроисповѣданіе, не опасаясь наказанія; тогда какъ ранѣе онъ подлежалъ за это преслѣдованію. Вотъ и все. Но если подобный субъектъ, будучи не въ состояніи отправиться заграницу, обратится къ лютеранскому или католическому священнику въ Россіи, съ просьбой принять его въ соотвѣтственную церковь, то такой священникъ, даже и въ настоящее время, долженъ отказать въ просьбѣ. Удовлетвореніе такой просьбы навлекло бы на него жестокое наказаніе. Въ томъ, что препятствіе русскимъ подданнымъ служить Богу въ тѣхъ формахъ, какъ имъ велитъ совѣсть, исходило отъ самого императора—сомнѣваться невозможно, такъ какъ вмѣшательство его въ этомъ отношеніи было непосредственное, личное и рѣшительное. Каждый разъ, какъ установленныя учрежденія или министры выказывали наклонность ослабить тиски закона, въ которыхъ послѣдній держитъ совѣсть личности, veto царя ставило имъ непреодолимыя препятствія. Этому можно привести много примѣровъ. Слѣдующій весьма поучителенъ. При обсужденіи законовъ о проступкахъ и преступленіяхъ противъ вѣры меньшинство Государственнаго Совѣта твердо отстаивало вѣротерпимость; но каждый разъ его величество принималъ сторону большинства. Разъ, одинъ только разъ, большинство членовъ высказалось за разумную и гуманную статью, но императоръ безъ

колебаній наложилъ руку на ихъ рѣшеніе. Вопросъ шелъ о томъ: если русскій, номинально православный, на самомъ же дѣлѣ исповѣдующій другую религію, скажемъ—лютеранскую, призоветъ на смертномъ одрѣ священника своего дѣйствительнаго вѣроисповѣданія для пріобщенія святыхъ таинъ, то долженъ ли такой священникъ подлежать наказанію, если онъ исполнитъ просьбу? Государственный Совѣтъ отвѣчалъ рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ: „нѣтъ не долженъ"; основанія и доводы были при этомъ настолько ясны и убѣдительны, что даже великіе князья вотировали съ большинствомъ, но царь рѣшилъ: „нѣтъ, священникъ, пріобщившій такого человѣка святыхъ таинъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ нарушитель закона; его поступокъ есть преступленіе" и царское рѣшеніе получило силу закона. Такъ какъ это заявленіе императорской воли имѣло мѣсто послѣ манифеста, то говорить объ его религіозной терпимости можно только иронически.

Другой случай произошелъ тоже послѣ распубликованія „Великой Хартіи русской свободы". Баронъ Икскуль фонъ Гильдебрандъ предложилъ, чтобы извѣстнымъ группамъ населенія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ были, вопреки ихъ волѣ, а иные, даже безъ ихъ вѣдома, присоединены къ православію, теперь дозволено было, если пожелаютъ, возвратиться въ лоно ихъ прежней соотвѣтствующей церкви. Таковы были нѣкоторые лютеране Остзейскихъ провинцій, и западно-русскіе уніаты. Предложенная мѣра была бы не мѣрою великодушія, а лишь мѣрою элементарной справедливости. Но при открытіи въ Государственномъ Совѣтѣ преній вел. князь Михаилъ Николаевичъ, дѣйствуя сообразно общеизвѣстнымъ наклонностямъ его величества, лишилъ барона права защищать его предложеніе, которое, такимъ образомъ, и провалилось. По этимъ и имъ подобнымъ плодамъ не трудно познать принесшее ихъ дерево.

Удивительнѣе всего то, что глава православія мучитъ членовъ значительной отрасли его собственной церкви, словно враговъ общества. Вотъ нѣсколько иллюстрацій того, какія мѣры употребляются въ настоящее царствованіе противъ старообрядцевъ. Одинъ изъ ихъ монастырей, такъ называемый, Никольскій Скитъ, Кубанской области, былъ захваченъ нѣкіимъ архимандритомъ Колоколовымъ, который во главѣ 50 казаковъ выгналъ всѣхъ монаховъ и овладѣлъ ихъ помѣщеніями. Одинъ изъ старообрядческихъ епископовъ, Силуанъ, протестовалъ противъ этого и былъ посаженъ въ тюрьму. Архимандритъ не удовольствовался, однако, своею легкою побѣдой; ему было мало насилія надъ живыми и онъ выместилъ свою злобу даже на мертвыхъ. Два старообрядца: епископъ Іовъ и священникъ Григорій, ведшіе святую жизнь, считались святыми; увѣряли, что тѣла ихъ сохранились нетлѣнными, и это разсматривалось, какъ доказательство ихъ святости. Но старообрядцамъ не дозволяется имѣть ни святыхъ, ни чудесъ. Поэтому православный архимандритъ разрылъ могилы и вынулъ

гробы. Дѣйствительно, онъ нашелъ, что тѣла Іова и Григорія сохранились; но, изломавъ гробы, онъ облилъ ихъ керасиномъ и сжегъ останки этихъ двухъ святыхъ*).

Что положительный законъ нарушается съ цѣлью сдѣлать возможнымъ религіозныя преслѣдованія — это избитая истина. Доказательства тому очень многочисленны. Однимъ изъ своихъ указовъ**) Сенатъ предоставилъ старообрядцамъ открыть въ Уральскѣ часовню. Разрѣшеніе было предварительно дано министромъ, такъ что на законномъ основаніи его невозможно было пошатнуть. Тѣмъ не менѣе мѣстный губернаторъ отмѣнилъ его и старовѣры не могли найти на него никакой управы. Другой случай. Въ деревнѣ Симоновской, въ Смоленской губ., у нѣкоего Родіонова трое дѣтей были отняты, потому что онъ былъ диссидентъ, и поручены совершенно постороннему лицу, принадлежащему къ православной церкви. Во многихъ мѣстностяхъ внутренней Россіи старообрядческіе священники подвергаются аресту и тюремному заключенію за то только, что они отпускаютъ себѣ длинные волосы, подобно православнымъ попамъ. Этому наказанію они подвергаются въ прямое нарушеніе, какъ сенатскихъ указовъ, такъ и циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, которые неоднократно подтверждали, что священнослужители не должны быть наказываемы за длинные волосы***). Царю обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ было докладываемо, но онъ и пальцемъ не шевельнулъ.

Трагическая исторія епископа Меѳодія, одного изъ столповъ старообрядчества, уяснитъ гуманнымъ читателямъ всю жестокость практикуемой системы. Исторія эта недавно была доложена его величеству, не вызвавъ однако съ его стороны даже выраженія сожалѣнія. Уроженецъ г. Челябинска, Меѳодій былъ посвященъ во священника и дѣятельно выполнялъ свои обязанности въ теченіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, прежде чѣмъ былъ почтенъ саномъ Томскаго епископа. Однажды епископъ причащалъ святыхъ таинъ человѣка, который, будучи рожденъ въ православной церкви, перешелъ въ старообрядчество. Это бытъ какъ разъ случай того типа, какіе разсматривались въ Государственномъ Совѣтѣ и по поводу которыхъ самъ императоръ высказался такъ сурово. На Меѳодія сдѣланъ былъ доносъ. Онъ былъ арестованъ, судимъ. найденъ виновнымъ и осужденъ на поселеніе; мало того: рѣшеніе было выполнено съ совершенно ненужной грубостью. Въ ножныхъ кандалахъ онъ былъ посланъ въ Якутскую Область по этапу, за одно съ убійцами и иными уголовными худшаго типа. Благодаря ходатайству одного изъ вліятельныхъ старообрядцевъ, ему позволили остаться въ губернскомъ городѣ; но вскорѣ, по настоянію одного

*) Все это было описано въ «Гражданинѣ» 1876 г.

**) Указъ № 461 отъ 27 февраля 1900 г.

***) См. указъ Новочеркасской консисторіи отъ 19 мая 1893 г. за № 2928.

изъ прелатовъ господствующей церкви, Меѳодій былъ сосланъ въ Вилюйскъ. Престарѣлаго епископа (ему было 78 лѣтъ) посадили верхомъ на лошадь, привязали къ животному и сказали ему, что онъ въ этомъ видѣ долженъ проѣхать къ мѣсту назначенія, отстоявшаго приблизительно сотъ на семь миль. „Такое рѣшеніе равносильно замучиванію человѣка до смерти", говорили среди Меѳодіевой паствы. И это была святая истина. Старикъ умеръ по дорогѣ (въ 1898 году), но — когда именно, гдѣ, какимъ образомъ, гдѣ онъ похороненъ—осталось навсегда неизвѣстнымъ.

Если репрессивныя мѣры, которыя царь запечатлѣваетъ своимъ именемъ, имѣютъ мало общаго съ дѣйствительной религіей, то положительныя его мѣры въ той-же области внушаются, повидимому, весьма прозрачно замаскированнымъ суевѣріемъ. Онъ выказываетъ дѣтскій интересъ ко всякимъ диковинкамъ и чудесамъ и готовъ одинаково вѣрить, какъ посланіямъ, которыя духи шлютъ изъ невидимаго міра при посредствѣ г. Филиппа, такъ и исцѣленіямъ и т. п. штукамъ, производимымъ останками православныхъ монаховъ, имена которыхъ онъ самъ прибавляетъ къ списку русскихъ святыхъ. Его предшественники были гораздо сдержаннѣе въ дѣлѣ населенія небесъ, нежели въ колонизаціи Сибири. Николай I согласился на канонизацію (1832 г.) воронежскаго епископа Митрофана послѣ того, какъ тѣло его оказалось нетлѣннымъ, пролежавъ въ гробу цѣлыхъ 100 лѣтъ. Но это была единственная канонизація въ его царствованіе. Александръ II разрѣшилъ Синоду прибавить лишняго православнаго святого въ лицѣ Тихона, епископа воронежскаго (въ 1861 г.) Его наслѣдникъ не канонизировалъ никого. Настоящій-же царь не только канонизировалъ двухъ: (Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго — 25 апрѣля 1895 г. и Серафима Саровскаго — 31 іюля 1903 г.), но лично приказалъ объявить одного изъ кандидатовъ, Серафима, святымъ, не смотря на то, что тѣло его найдено было разложившимся, хотя похоронено было всего 70 лѣтъ тому назадъ. Православный епископъ Дмитрій Тамбовскій поэтому протестовалъ противъ причтенія Серафима къ лику святыхъ, такъ какъ это было противно церковнымъ традиціямъ, но за такое разногласіе съ царемъ онъ былъ лишенъ своей кафедры и посланъ епископомъ въ Вятку. Его величество держится того мнѣнія, что сохранившіеся волосы, кости и зубы кандидата въ святые достаточно доказываютъ его святость, а пророчествующіе монахи увѣрили его, что господь богъ вскорѣ совершитъ чудо и возстановитъ останки Серафима цѣликомъ.

Мы не можемъ входить здѣсь во всѣ подробности этихъ дѣлъ или въ тѣ основанія, которыя заставили его величество вѣрить, что онъ будетъ вскорѣ утѣшенъ рожденіемъ себѣ наслѣдника, благодаря предстательству его любимыхъ святыхъ, иконами которыхъ онъ въ послѣднее время благословлялъ войска: это заняло бы слишкомъ много мѣста. Главный пунктъ во всемъ этомъ тотъ, что

въ церковныя дѣла, какъ и во всѣ отрасли управленія, императоръ внесъ свое личное вліяніе и настоялъ на немъ вопреки возраженіямъ, протестамъ и здравымъ совѣтамъ тѣхъ, кто былъ наиболѣе способенъ руководить имъ.

Итакъ кто же, можно спросить, вліяетъ на этого самодержца, который управляетъ лично и неограниченно? Если его министры не болѣе, какъ инструменты его воли, и даже близкія ему женщины безсильны, чтобы такъ или иначе направить его,-то чей же собственно духъ имъ движетъ? Отвѣтъ ясенъ. Всепоглощающія теоріи самодержавія, усвоенныя царемъ, преподаны ему г.г.Побѣдоносцевымъ и Мещерскимъ—этими Торквемадой и Калліостро современной Россіи. Ихъ отвлеченные афоризмы и личное вліяніе развили въ душѣ ихъ воскообразнаго воспитанника такого рода вѣру и пылъ, которые стали его второй натурой, и теперь онъ оцѣниваетъ всякую новую идею не иначе, какъ отношеніемъ ея къ самодержавію. Наставленія этихъ двухъ учителей находятъ себѣ поддержку въ нѣсколькихъ великихъ князьяхъ, образующихъ нѣчто вродѣ тайнаго совѣта, подобнаго тому, какой регулируетъ жизнь тибетскаго Далай-Ламы. При Александрѣ III они не играли никакой роли, такъ какъ этотъ государь могъ указать каждому изъ нихъ свое мѣсто. Напротивъ того, Николай II легко подчиняется этимъ эгоистическимъ членамъ царской фамиліи. Они окрашиваютъ свои планы въ цвѣта его собственныхъ мечтаній, приводятъ мотивы, которые опираются на его предразсудки и всегда начинаютъ свою аттаку съ грубой лести. Такимъ образомъ бѣдняжка „Ника", какъ они его называютъ, совершенно неспособенъ съ ними справиться, а вліяніе ихъ пагубно. Одинъ изъ нихъ, заправлявшій въ теченіе многихъ лѣтъ капиталами, пожертвованными вѣрноподанной Россіей для постройки храма Александра II, до сихъ поръ не далъ отчета въ огромныхъ суммахъ, которые куда то таинственно исчезли въ теченіе его администраціи. *) Великій князь Сергѣй, Московскій г.-губернаторъ, человѣкъ преданный охотѣ на евреевъ и другимъ недостойнымъ забавамъ, состоитъ менторомъ царя въ вопросахъ религіи, какъ мистической, такъ и практической. Это онъ предложилъ уничтожить московское юридическое общество, которое онъ заподозрилъ въ либеральныхъ тенденціяхъ, а когда ему возразили, что члены его самымъ щепетильнымъ образомъ соблюдаютъ всѣ законы и правила, то онъ отвѣчалъ: „вотъ это именно я и хочу сказать; поэтому то самому они тѣмъ болѣе опасны для государства!" Великій князь Константинъ подаетъ блестящіе совѣты по вопросамъ народнаго просвѣщенія и военнымъ дѣламъ. Великій князь Алексѣй, котораго любовница, французская актриса, заставляетъ дрожать и министровъ, представляетъ собою дворцоваго оракула относительно флота. Быть можетъ самымъ вліятельнымъ изъ всѣхъ великихъ

---

*) Великій князь Владиміръ Александровичъ. Ред.

князей является Александръ Михайловичъ, который въ теченіи долгаго времени былъ своего рода двойникомъ его величества.

Этотъ великокняжескій кружокъ представляетъ, такъ сказать синдикатъ для управленія Россіей, и никакой министръ не можетъ ему противостоять хотя бы въ теченіе одного мѣсяца. Синдикатъ этотъ можетъ ниспровергнуть его планы въ ихъ начальной стадіи, подорвать ихъ въ глазахъ царя во время обсужденія, или вмѣнить ихъ ни во что послѣ того, какъ царь далъ уже на нихъ свое согласіе. Очевидное дѣло — Россія управляется болѣе, чѣмъ однимъ самодержцемъ.

Вѣчно въ долгахъ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, великіе князья сбѣгаются всюду, гдѣ есть деньги, какъ коршуны слетаются на поле битвы и если дѣло идетъ о томъ, чтобы прибрать къ рукамъ какое нибудь предпріятіе, они обращаютъ мало вниманія на національность тѣхъ, кто терпитъ потери, а еще того меньше на этическую сторону данной игры. Ихъ послѣднею по времени попыткой была лѣсная концессія на рѣкѣ Ялу въ Кореѣ, которая способствовала не мало вовлеченію нашего несчастнаго отечества въ настоящую кровопролитную войну. Предпріятіе зиждилось на увѣреніяхъ г. Безобразова, что оно вложитъ милліоны въ карманы счастливыхъ пайщиковъ и прибавитъ цѣлое королевство къ восточно-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Сперва его величество, подъ вліяніемъ убѣжденій своихъ министровъ, остановился передъ мыслью впутать въ разныя спекуляціи императорскую политику и строго наказалъ великимъ князьямъ не принимать никакого участія въ этомъ нечистомъ дѣлѣ. Тогда великокняжескій кружокъ послалъ г. Безобразова произвести необходимыя манипуляціи надъ императорской волей. Г. Безобразовъ выполнилъ свою задачу настолько успѣшно, что царь не только взялъ назадъ свое запрещеніе, но и самъ присоединился къ пайщикамъ, внеся въ концессію нѣсколько собственныхъ милліоновъ. Великіе князья справедливо соображали, что если самъ императоръ вложитъ деньги въ предпріятіе, то всѣ возможныя усилія будутъ сдѣланы для его поддержки и процвѣтанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ собственныхъ паевъ. Такъ оно и случилось.

Великіе князья обрабатываютъ своего простоватаго родственника съ замѣчательнымъ искусствомъ. Каждый кандидатъ на царское благоволеніе, какого они выдвигаютъ впередъ, есть своего рода спеціалистъ, обѣщающій немедленно выполнить мимолетное желаніе царя. Такъ, напримѣръ, мосье Филиппъ, спиритъ, появившійся въ время императорской болѣзни въ Ялтѣ, пообѣщалъ ему сына и наслѣдника и потому былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Время шло и надежды, возбужденныя этимъ искателемъ приключеній, не осуществлялись; тогда одинъ изъ великихъ князей, отличающійся благочестіемъ, подалъ мысль о канонизаціи Серафима Саровскаго, такъ какъ увѣряли, что въ

числѣ чудесъ, сврвершенныхъ его останками, было дарованіе дѣтей безплоднымъ женщинамъ.

Еще однимъ изъ мимолетныхъ фаворитовъ царя явился, отличавшійся большими странностями, идеалистъ по имени Клоповъ, занимавшій невысокое положеніе въ министерствѣ Путей Сообщенія. Онъ сталъ извѣстенъ царю при посредствѣ великаго князя Александра Михайловича, дѣтямъ котораго онъ давалъ уроки, и царь почувствовалъ расположеніе къ нему, какъ къ честному реформатору, лишенному искательства. Клоповъ идеализировалъ русскій народъ, распространялся поэтически насчетъ его добрыхъ качествъ, драмаризировалъ его дѣйствія и предсказывалъ чудеса, которыя народъ совершитъ, если будутъ выполнены извѣстныя реформы. Его величество слушалъ съ захватывающимъ вниманіемъ краснорѣчивые разсказы о тѣхъ надеждахъ, съ которыми крестьяне переносятъ свои страданія; онъ просилъ своего новаго пріятеля попутешествовать по странѣ и затѣмъ доложить ему о жалобахъ народа. Но прошелъ годъ и, стоявшая внѣ всякой отвѣтственности, дѣятельность Клопова, стала внушать министрамъ опасеніе. Побѣдоносцевъ попросилъ царя дать своему фавориту либо отвѣтственный постъ, либо отставку, а такъ какъ новизна рапсодій Клопова уже потеряла свою прелесть, то его величество пересталъ принимать реформатора. Но царь все еще продолжалъ читать клоповскія донесенія; поэтому Побѣдоносцевъ серьезно переговорилъ съ Александромъ Михайловичемъ, и фаворитъ былъ окончательно отставленъ,, получивъ пенсію.

Самымъ опаснымъ изъ царскихъ фаворитовъ является однако г. Безобразовъ, нѣчто среднее между искуснымъ биржевымъ дѣльцомъ и чудакомъ. Этотъ господинъ, который въ періодѣ просвѣтленія ума представляетъ доказательства необыкновенной проницательности, началъ карьеру, какъ конно-гвардейскій офицеръ, зазатѣмъ занялъ постъ егермейсера и въ качествѣ такового познакомился съ членами великокняжескаго кружка. Съ теченіемъ времени онъ подалъ въ отставку и, надѣясь обработать блестящее „дѣльце“ на американскій манеръ, отправился на Дальній Востокъ съ тѣмъ, чтобы наблюдать за финансовыми интересами великихъ князей, Лѣса на Ялу, повидимому, обѣщали блестящую спекуляцію и по своемъ возвращеніи онъ предложилъ ихъ эксплуатацію. Рѣзкая критика, какою этотъ проэктъ былъ встрѣченъ со стороны г. Витте, гр. Ламсдорфа и другихъ, сперва встревожила царя. Но г. Безобразовъ, который былъ принятъ царемъ по настоянію великихъ князей, безъ труда перетянулъ на свою сторону колебавшагося молодого монарха и, какъ уже сказано, Николай II самъ сталъ пайщикомъ въ дѣлѣ. Съ этого момента начинается возвышеніе Безобразова. Онъ возвратился на Дальній Востокъ съ такими полномочіями, какихъ никогда не имѣлъ ни одинъ министръ. Генералъ Куропаткинъ, баронъ Розенъ и графъ Ламсдорфъ были ему подчинены и его рапортъ о манчжурской

желѣзной дорогѣ ускорилъ паденіе Витте. Благодаря ему адмиралъ Алексѣевъ, человѣкъ узкихъ взглядовъ, но крайняго честолюбія, былъ назначенъ намѣстникомъ и вотъ эти двое втянули неустойчиваго царя, а съ нимъ и всю націю въ настоящую, дорого стоющую войну.

И такъ, вся русская имперія со всѣмъ ея крестьянствомъ, арміей, флотомъ, духовенствомъ, университетами и министерствами есть не болѣе, какъ слуга неопытнаго государя, который не только лишенъ качествъ, необходимыхъ для правителя, но даже и простого такта, чтобы сохранять приличную обстановку. Въ домашнихъ дѣлахъ нація подавлена; она не можетъ подать голосъ ни по вопросу о войнѣ и мирѣ, ни по вопросу о налогахъ и образованіи ни о промышленности и финансахъ. Она не можетъ даже отнестись къ спасенію своей души такъ, какъ желаетъ. Извнѣ политика Россіи ееть политика захвата безъ конца. Направляемая чиновниками, лишенными совѣсти и выполняемая безотвѣтственнымъ правительствомъ, политика эта привела къ такому положенію, что увѣренія, даваемыя послами, перестали быть обязательными для министра иностранныхъ дѣлъ; обѣщанія, дѣлаемыя министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣняются ни во что главами другихъ отраслей управленія и обезславливаются императоромъ; трактаты, ратификованные царемъ, перестали быть обязательными для правительства, которое ссылается на измѣненіе обстоятельствъ, какъ на оправданіе несдержаннаго слова. Эта теорія, которая, къ нашему стыду, стала настолько же специфически русской, какъ доктрина Монроэ спеціально американской,— была прочно установлена Николаемъ II, который во истину можетъ утверждать, что имперія—это онъ, а пути его неисповѣдимы.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что такая система — если такой образъ дѣйствій можетъ назваться сестемой — ведетъ къ несчастію. Два министра убито*), на жизнь нѣсколькихъ губернаторовъ и иныхъ чиновниковъ были сдѣланы покушенія: нѣкоторые изъ нихъ ранены, другіе убиты; не мало помѣщичьихъ домовъ сожжено; крестьяне подвергаются истязанію розгами, дворяне ссылаются, юристы, учителя и чиновники засаживаются въ тюрьму; періодическія изданія насильственно останавливаются; рабочіе становятся мишенью для ружейныхъ залповъ, а вся нація держится искусственно въ невѣжествѣ и суевѣріи,—и все это для того только, чтобы одинъ человѣкъ могъ свободно осуществить свой идеалъ самодержавія. Все, чего желаютъ монархисты съ широкими взглядами, къ которымъ причисляетъ себя и авторъ настоящей статьи, заключается въ томъ, чтобы спасти народъ, не причиняя вреда царю. Мы рѣшительно ничего не имѣемъ сказать противъ монархическихъ учрежденій, безъ которыхъ наша нація не могла бы достичь предопредѣленной ей высоты. Но мы глу-

*) Писано до казни Плеве. Ред.

боко убѣждены, что дѣла націи, которыя отнюдь не тождественны съ измѣнчивыми капризами одной личности, или ненасытной жадностью клики, должны быть ведены компетентными и въ при личной мѣрѣ честными людьми, независимо отъ дворцовыхъ вліяній; они должны вестись на основѣ обыкновенной дѣловитости.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1905.

Съ наивной вѣрою, съ открытою душой
Мы шли къ тебѣ, палачъ самодержавный, —
Мы шли къ тебѣ съ горячею мольбой,
Чтобъ внялъ ты голосу страны своей безправной.
А ты, злодѣй, на брата выслалъ брата
Съ аравой пьяною твоихъ офицеровъ
И русскій штыкъ покорнаго солдата
Направилъ ты на братьевъ и отцовъ.
Межъ тѣмъ какъ мы за бѣдную отчтзну
Со стономъ падали, съ проклятьемъ на устахъ,
Съ своей опричиной по насъ ты правилъ тризну,
Гонимый трусостью, въ награбленныхъ дворцахъ.
Чтобъ подавить народные протесты —
Тюрьму и каторгу, штыки пустилъ ты въ ходъ
И кровью родины ты пишешь манифесты,
Зовя къ себѣ поруганный народъ.
Безумный царь безправнаго народа,
Мы съ просьбой больше не пойдемъ къ тебѣ:
Пойдемъ съ оружіемъ и съ криками: «свобода!»
Сотремъ тебя, или умремъ въ борьбѣ.
Ты насъ разстрѣливалъ, не жди и ты пощады,
Достанемъ мы тебя, какъ ты себя не прячь! —
Падутъ твои сатрапы-казнокрады
И съ ними ты, безжалостный палачъ!

Рабочій.

Николай II, въ сопровожденіи приспѣшниковъ, обозрѣвающихъ, послѣ 9-го [22-го] января, результаты своей внутренней политики.

Фксунока Штейнлена
изъ "La Vie Illustrée"